

МОГУЧИЙ СМЕХ ОТЦА КОМЕДИИ

К 2350-ЛЕТИЮ СМЕРТИ АРИСТОФАНА

Конец V столетия до нашей эры. Греция пылает в огне братоубийственной пелопоннесской войны, несущей народу смерть и страдания, превращающей в пепел цветущие сады и виноградники. А со склонов Акрополя, со сцены афинского театра Диониса доносится громкий, безудержный смех. Что это? Кошунство, безрассудство, непочтительность к мукам и горестям родины? Нет. В театре Диониса смеется самый серьезный из афинских граждан, это смеется человек, более других ненавидящий войну, лучше других понимающий чудовищность и бессмысленность кровопролития. Он хочет, чтобы это поняли его сограждане, чтобы они поняли истинные причины, увидели истинных виновников войны, распознали врагов и друзей. И для этого нет лучшего места, чем театр Диониса, вмещающий 17 тысяч человек, т. е. втрое больше, чем сходилось на самое многолюдное народное собрание. Для этого нет лучших средств, чем средства греческой комедии, жанра, сочетавшего в себе вольность, бьющее через край веселье народного карнавала с самым серьезным агитационным, обличительным пафосом.

Каждая из сохранившихся одиннадцати комедий «отца комедии», великого греческого драматурга Аристофана, это, говоря словами В. Белинского, «воплот страдания», «вопрос или ответ на вопрос». Каждая из этих комедий беспощадно обличает пороки общественной жизни, обнажает внутренние

противоречия рабовладельческой демократии. клеймит позором хитрых демагогов и политических честолюбцев, обманывающих народ и наживающихся на его бедствиях: И вся эта серьезная политическая проблематика раскрывается у Аристофана в форме самого яркого, увлекательного театрального зрелища, искрящейся всеобразием театральной буффонады.

Используя традиционные карикатурные маски греческого театра, поднимая карнавальную свободу слова до уровня острой общественной критики, Аристофан выводит на сцену и безжалостно бичует своих знаменитых, порой весьма могущественных современников. Так в 424 году до нашей эры, в своей наиболее острой политической комедии - памфлете «Всадники», в маске раба-обжоры, ненасытного паразита писатель представляет афинскому зрителю влиятельного лидера агрессивной партии войны демагога Клеона. О могуществе Клеона в момент постановки «Всадников» говорит хотя бы то, что ни один мастер не дал согласия сделать театральную маску, изображающую его лицо. Сообщая герою характерные черты конкретного политического деятеля, Аристофан создает обобщенный образ демагога, казнокрада и вымогателя, втершегося в доверие к народу. Клеон из «Всадников» — раб, проникший в дом дряхлого старика Демоса (подразумевает с я

афинский народ). Всецело овладев доверием хозяина, Клеон оттесняет от него верных и преданных рабов. Единственный путь избавления от паразита — найти для Демоса нового руководителя, который сможет превзойти Клеона в маглости и лести. Такой кандидатурой оказывается Колбасник, грубый и неотесанный базарный торговец, одолевший Клеона с помощью еще большего бесстыдства и заискивания перед народом. Клеону трудно признать свое поражение. Он с горечью заявляет, что Колбасник — вор не лучше его, а лишь счастливее его.

В такой острой, карикатурной форме, прибегая к гротеску, шаржу, преувеличению, изображает Аристофан людей, которых считает виновными в бедствиях народа. Для того, чтобы убедить зрителей, убедить пылких сторонников военной партии в преимуществах мирной жизни, Аристофан дает полную волю своей безграничной фантазии, изобретая самые невероятные положения, создавая самые необыкновенные, фантастические ситуации. Говоря словами известного эллиниста Андрэ Боннара, «Аристофан создает в своих комедиях целый ряд миров, в которых естественные законы и основы мышления проявляются не совсем так, как в нашем». Вот они, эти невероятные аристофановские ситуации. Крестьянин Дикеополь, испытывая тяжесть войны, заключает с врагами единичный, сепаратный мир. Дикеополь торжествует, пирует и веселится, в то время, как другие страдают от войны («Ахарниане»). Герой другой комедии — Тригей, воодушевленный идеей спасения от войны всей Эллады, верхом на навозном жуке взлетает на Олимп и освобождает находящуюся в заточении богиню

Мира («Мир»). По пламенному призыву афинянки Лисистраты женщины всех воюющих областей, восстав против безрассудства мужчин, объявляют им забастовку любви. Женщины отказывают мужчинам в ласках до тех пор, пока длится война («Лисистрата»). Два афинских гражданина, герои феерической сказки - утопии «Птицы», разочаровавшись в современной жизни с ее тяготами и клеветами, уходят к птицам и основывают новое царство между небом и землей.

Все эти необыкновенные положения, этот сплав сказочного и реального создают широкий простор для комических эффектов, сверкающих остроумием каламбуров, частого нарушения театральной иллюзии, в виде прямого общения актеров со зрителем, непосредственного обращения к амфитеатру. Это театр в самом высоком смысле этого слова, яркое, праздничное зрелище, в котором постоянно ощущаются его карнавальные истоки, но при этом театр большой человеческой мысли, высокого гражданского пафоса, злободневной политической публицистики.

В древней биографии Аристофана рассказывается: когда сиракузский тиран Дионисий пожелал поближе познакомиться

с государственным устройством Афин, философ Платон послал ему комедии Аристофана. В этом, возможно, исторически недостоверном предании, отразилось понимание глубокой связи Аристофана с жизнью своего времени. Однако, как любой великий художник, верный лучшим идеалам своего времени, Аристофан стал другом и соратником прогрессивных людей всех времен. Его смех, его идеи и образы находили отклик, обретали новую жизнь в творениях Рабле и Гейне, Роллана и Фейхтвангера.

Показательно, что театр Аристофана оказался созвучным творческим устремлениям и идейным поискам молодого советского театра. Вот что писал Б. Ромашов о «Лисистрате», поставленной во МХАТе в 1923 году В. Немировичем-Данченко: «В «Лисистрате» уже чувствуется та бодрость искусства, тот широкий подход к большим темам, та полнокровность и реалистическая свежесть театра, которая одна способна выразить содержание нашей эпохи».

Скавозь века нам хорошо слышны раскаты могучего смеха Аристофана. Потому что это здоровый смех человека, радующегося жизни и свету. Потому что это грозный смех борца, отмечающего все, что враждебно миру, что недостойно красоты и величия человека.

А. АЛЕКСИДЗЕ.